

М.Ю. МУХИН

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 398.2
ББК Ш204-4

«ЧТО ДЕЛАЛ СЛОН...», ИЛИ ИЗДЕРЖКИ НАИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРЕАТИВА

Аннотация: В статье анализируются фонетические, грамматические и лексические неудачи в загадках и анекдотах, основанных на языковой игре. Обсуждаются критерии эстетико-лингвистической оценки распространенных фольклорных жанров.

Ключевые слова: Языковая игра, лингвистический креатив, неудача, загадка, анекдот.

Загадки и анекдоты с лингвистическим подтекстом далеко не всегда обладают лингвокреативными достоинствами. Когда-то в раннем детстве мне задали шуточный вопрос *Что делал слон, когда пришел Наполеон?* Помню безотчетное разочарование не просто банальным ответом (*Как что? Ел траву*), но, главное, досадной неточностью обращения со словом, которое для верного ответа следовало разрезать без учета его реального произношения. Суть разгадки оказалась гораздо мельче замечательно-го алогизма, который содержался в самом вопросе (слон vs. Наполеон). За примерами подобных языковых «находок» далеко ходить не надо: *Слушай, или три солдата* (понимать надо как *С Лушей или три солдата*, т.е. всего четыре человека), *Летела стая, совсем не большая (сов семь, небольшая), только шофер не спал* (*Только, шофер, не спал*), *В названии какого города имя одного мальчика и имя ста девочек? Севастополь* (*Сева, сто Поль*) и, конечно, классический случай: *А и Б сидели на трубе* (*А, И, Б сидели на трубе*). Сами фигуры (человечки) *А* и *Б* давно эстетизированы вместе со своей трубой, а банальный ответ (осталась *И*) неважен или даже забыт.

Несмотря на то, что бытовали и бытуют такие загадки в дет-

ской среде, очень сомнительно, что их авторами являются действительно дети. Дети, как правило, естественны в наивной игре со словами и используют только такой фонетический и лексический материал, который реально слышат и осознают. Один из важных аспектов языкового парадокса в детской речи, как пишет Т.А. Гридина, – это «речевой ход, задающий неожиданный ракурс восприятия языковой формы по специально смоделированному «условному» алгоритму ее «прочтения» (истолкования)» [Гридина 2013: 18]. Безусловно, дети играют со словами порой значительно интереснее взрослых, но все же в пределах своей языковой компетенции. Поэтому натяжки разного рода (например, использование малоупотребительного уже в советское время имени *Луша – Лукерья*) вызывают закономерные сомнения.

Подобное стремление поиграть с языком (лексическим членением и омонимией) часто приводит к лингво-эстетическим неудачам и в совершенно «взрослых» текстах анекдотов:

<i>Жена говорит мужу:</i>	<i>Блондинка звонит в такси:</i>
<i>– Водку, сок, мясо</i>	<i>– Алло, это такси?! Я уже</i>
<i>поджаришь на сковородке.</i>	<i>полчаса жду Вашу машину</i>
<i>Муж обалдев спрашивает:</i>	<i>апельсинового цвета!</i>
<i>– Водку-то зачем?!</i>	<i>Оператор такси:</i>
<i>– Ты со своей водкой уже</i>	<i>– Девушка, вас уже полча-</i>
<i>все мозги пропил! Я же гово-</i>	<i>са ожидает опель сине-</i>
<i>рю: вот кусок мяса,</i>	<i>го цвета...</i>
<i>поджаришь на сковородке!</i>	

Чем же так плоха неискоренимая народная тяга к лингвистическому креативу? Разве она не привлекает внимание к языку, за что мы, специалисты, так боремся, не развивает лингвистическое мышление? Конечно, и привлекает, и развивает. Однако беда в том, что в сочетании с низким уровнем культуры и знаний о языке эта тяга часто порождает неточности и даже грубые непопадания в языковой материал. И эта самая тяга, в частности, заставляет некоторых профанов указывать филологам на то, что с языком может вольно обращаться любой человек. Материал этот, дескать, принадлежит всем и всем понятен.

Разберемся, с чем обычно связаны эстетические неудачи в «лингвистических» загадках и анекдотах. Наиболее частый источник языковой игры – поиск автором фонетической или графической омонимии, новое и парадоксальное членение слова, словосочетания, фразы (*водку, сок, мясо – вот кусок мяса, апельсинового цвета – опель синего цвета*). При этом авторы редко учитывают разницу в произношении ударных и редуцированных гласных, количество слогов, интонацию, возможные паузы и др. явления на стыке слов – в терминологии М.В. Панова разграничительные сигналы, диэремы [Панов 1967]:

На бал кони ходят? Да, на балконе ходят.

Если жена говорит «Иди отсюда!», она имеет в виду «Иди от, сюда!»

Какое слово означает половину буквы русского алфавита? Полка (пол К).

Что за слово, в котором 40 гласных? Сорока (40 А).

Без какой буквы существуют воздушное пирожное? Без «е» (безе).

Произношение [пóлкь], конечно, отличается от [полкá], а бе[зэ] – от бе[зэ]. Лингвистически точные примеры народного креатива встречаются реже. Такова, например, известная загадка: *Когда человек – дерево? Когда он со сна* [сасна́].

Неразличение графических и фонетических явлений (вспомним, что ребенок обычно не выговаривает *букву Р*) – типичное явление в массовой языковой игре. Можно вспомнить здесь к месту так называемый «жаргон падонков» (йазык падонкафф), который определяют как «стиль употребления русского языка с фонетически почти верным, но орфографически нарочно неправильным написанием слов» (Википедия). Между тем самые известные написания *олбанский, йазык, превед, крevedко* трудно назвать «фонетически почти верными».

Из этого не следует, что языковой парадокс должен быть фонетически безупречным, он может апеллировать исключительно к графике. Например, загадка *В названии какого напитка присутствуют двое животных?* с ответом *Коньяк* воспринимается вполне естественно, даже с учетом произношения *а*-образного гласного в первом слове. Также эстетически вполне приемлем

вопрос *Где вторник идёт раньше, чем понедельник? В словаре.* А вот другие загадки, эффект которых связан с графикой, совсем не так удачны:

Что у коровы впереди, а у быка позади? Буква К.

Что у Адама спереди, а у Евы сзади? Буква А.

Если от названия африканского животного отнять первую и последнюю буквы, то останется женское имя. Ответ: Ж-Ира-ф.

Какое женское имя можно записать как тридцать «Я»? Зоя.

Ну разве что имя *Зоя* писать только прописными буквами, да еще и с пробелом – тогда это действительно возможно представить.

На игровой членности слов без учета фактора произношения построена масса загадок, особый материал которых – короткие слова:

Какими нотами можно измерить расстояние? Ми-ля-ми.

Когда руки бывают тремя местоимениями? Когда они вы-мы-ты.

Какие местоимения портят дорогу? Я-мы.

В каком слове 100 согласных? Сто-Л, сто-Н.

Ответ здесь предполагает или несколько ударений в слове (*вы-мы-ты*), или наличие специального разграничительного сигнала (*сто л, сто н*; возможно также и *сто эль, сто эн*).

Произношение ряда загадок связано с особыми орфоэпическими вариантами. Текст в них следует произносить особым образом, чтобы возник эффект совпадения омонимов: *Ехал в поезде купец, ел солёный огурец. Одну половинку съел, а другую кому отдал? Ответ: Алёне.* Предполагается, что для чистоты эксперимента *солёный* нужно произнести как с *Алёной*, т.е. с [ъ] в окончании. В случае *Летела стая, совсем не большая. Сколько птиц и каких?* пара *совсем* и *сов семь*, кроме разницы в произношении безударного и ударного звуков, отличается твердостью и мягкостью губного на конце слова. Иначе говоря, для человека, воспринимающего загадку, в идеале должен быть привычным твердый [м] на конце слова *семь*. Эстетическая неудача дополняется неестественным порядком слов: *сов семь, не*

большая (так, видимо, следует членить фразу). А разгадки известных загадок про Ямал и Ямайку подразумевают отказ от иканья: *Какой полуостров говорит о своём размере? Ямал; Какой остров сам себя называет предметом белья? Ямайка*. Многие из приведенных выше случаев можно рассматривать только комплексно, однако их лингво-эстетические неудачи объясняются в основном графико-фонетическими явлениями.

Рассмотрим теперь чисто грамматические и лексико-семантические издержки лингвистического креатива. В следующем известном примере фонетические особенности слов используются корректно: *Бабушка несла в корзине 100 яиц. Одно упало. Сколько яиц осталось? Ответ: Яиц вообще не осталось, так как дно упало*. Действительно, *одно* и *а дно* можно произнести совершенно одинаково, однако союз *а* в начале фразы-конструкта (*А дно упало*) не является сигналом противопоставления и воспринимается неестественно. Так же обстоят дела и с формой прилагательного *сухой*: *вышел из воды сухой (с ухой, т.е. с супом)*, в отличие от более уместного здесь творительного падежа (*сухим*). А в загадке, в которой заключенному давали *хлеб сухой (с ухой)* явно странный порядок слов. Еще пример: *С какой птицы нужно оципать перья, чтобы получились сразу утро, день, вечер и ночь? С утки (сутки)*. Т.е. на вопрос *С какой птицы...* при переосмыслении напрашивается ответ в именительном падеже: *сутки*. Грамматический дефект есть и у известной шутки про дырку: *Сколько будет три, и три, и три, и три?* Форма императива глагола *тереть*, которую нужно здесь видеть, в конструкцию вопроса никак не вписывается.

Несколько слов о «креативных» вопросах, в которых эксплуатируется лексическая многозначность. Известно, что полисемия – основа бесконечного количества фактов языковой игры. Например, множество анекдотов строится по схеме «Чем отличается...»: *Чем отличается публика в цирке от воздушного шарика? Воздушный шарик сначала надувают, потом пускают, а публику сначала пускают, а потом надувают*. Или: *Чем отличается женщина от такси? Женщина с огоньком никогда не бывает свободной!* По большей части ответ-парадокс основан на разнице между лексическими значениями. В приведенных примерах это касается слов *пускать*, *надувать*, *с огоньком*, *сво-*

бодной, а сами шутки стоит считать удачными. А вот в других примерах хорошей и оригинальной полисемической игры мы вряд ли признаем:

В каком году, по прогнозам, люди в России будут болеть больше? (в 2014 г., на олимпиаде в Сочи).

Какую ленту нельзя влести в косичку? Пулемётную.

В каком городе течёт кровь? В Вене.

Каковы все же критерии лингво-эстетической оценки такого креатива? В чем причина того, что шуточные вопросы-ответы: *Кто ходит сидя? Шахматист; Почему птицы отклады-вают яйца? Если бы они их отбрасывали, яйца бы разбивались* – нравятся мне лично гораздо больше пулеметной ленты и «Вены», в которой а не по которой течет кровь?

Во-первых, игра не должна вызывать сопротивление языка на любом его уровне: *Идут два художника, один другому: «Слушай, ты кисти-то взял?» – «Взял». – «Краску взял?» – «Взял». – «Палитру взял?» – «Я подумал, что мало будет, взял по два...»* Что фонетически, что грамматически – игра со словами *палитру* и *по литру*, где предлог *по* может быть абсолютной клитикой, является точной. Совсем по-другому устроены возможные контексты *в Вене течет кровь* (неудачно по грамматической сочетаемости) или *болеть больше* (в спортивном смысле – неудачно по лексической сочетаемости).

Во-вторых, шутка должна быть уместной и действительно смешной. Черный юмор может отвечать этому критерию, но в разумных пределах. Сравним пулеметную ленту, вплетенную в косичку, и вот этот забавный анекдот: *(В парикмахерской) «Висок косой будем делать?» – «Ой, а давайте лучше машинкой?»* Фонетические, грамматические и семантические особенности словоформы *косой* использованы здесь прекрасно.

В-третьих, шуточные лингвистические вопросы задают, естественно, не с расчетом на правильный ответ. Главное – удивить собеседника нетривиальным ходом мысли, соотношением разных значений, членимостью фразы. В языковой игре ценится небанальность, оригинальная неожиданность, которая, к сожалению, отсутствует в контекстах с омонимией местоименных наречий и местоимений с предлогами (*зачем – за чем, почему –*

по чему и т.п.): *Почему ходит человек? По земле; За чем вода в стакане? За стеклом; По чему коровы не летают? По воздуху; За чем язык во рту? За зубами; От чего плавает утка? От берега* и др.

Не слишком ли жёстки критерии, которые применяет к оценке этих фактов лингвист? Ведь многие из этих случаев не более чем шутки, языковые розыгрыши? Однако, если шутка сопровождается правдивой лингвистической «начинкой», ее юмористический и познавательный эффект значительно усиливается. Если же игра слов и смыслов содержит натяжки и спекуляции, то и шутка проигрывает: *В каком пятибуквенном слове пять букв о? Опять; Какое слово состоит из трёх одинаковых букв? Трио.*

Однажды создатели клипа на песню Филиппа Киркорова «Атлантида» пошутили над речевой ошибкой в тексте: *И в океане раскрытых зонтов Ты исчезла из вида.* В этот момент они разместили в кадре заставку телекомпании «Вид», что вряд ли оценил сам исполнитель. Однако шутка эта запомнилась как пример прекрасной реакции на лингвистическую неточность.

В основе удачных языковых парадоксов всегда лежат культура и эрудиция, лингвистическое и ассоциативное чутье, именно поэтому массовый наивно-лингвистический креатив столь часто сопровождается эстетическими издержками. Зато какой замечательный эффект способна произвести тонкая и лингвистически точная игра со словами!

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи //Лингвистика креатива: Коллективная моногр. – Екатеринбург: Ур-ГПУ, 2012. С.5-32.

Панов М.В. Русская фонетика. – М., 1967. С. 167-191.

© Мухин М.Ю., 2014